

УДК 338.242
ББК 65.010.11

Г.Н. Макарова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РИСКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Обобщаются основные направления, по которым современный институционализм дополняет и углубляет характеристики инвестиционных рисков.

Ключевые слова: институционализм, инвестиционный риск, транзакционно-специфические инвестиции, постконтрактный оппортунизм, административная рента, внешние эффекты.

G.N. Makarova

INSTITUTIONAL DIRECTION OF STUDYING INVESTMENT RISKS IN CONTEMPORARY ECONOMY

The article summarizes the main ways in which modern institutionalism complements and enhances characteristics of investment risks.

Keywords: institutionalism, investment risk, transaction-specific investments, opportunism post contract, administrative rent, externalities.

Хотя в экономических науках вот уже больше века господствует неоклассическая школа, но, как известно, параллельно с ней (нередко и вопреки ей) развиваются и некоторые другие, «неортодоксальные», школы, например, институционализм (включая традиционный, «старый», институционализм и новую институциональную экономику), неокейнсианство, посткейнсианство, эволюционная экономика и др. Эти школы по ряду направлений лишь дополняют положения и выводы неоклассиков, но по некоторым проблемам существенно углубляют и развивают их, а иногда предлагают и принципиально новые идеи и полезные для практики выводы и решения.

Среди различных объектов исследований современных неортодоксальных школ представляется целесообразным выделить их вклад в исследования таких особо важных для экономики факторов, как инвестиции и инвестиционные риски. На наш взгляд, изучение этих факторов в принципе нельзя отдавать «на откуп» только лишь неоклассической школе, хотя бы потому, что одним из ее общепризнанных недостатков является недооценка роли неопределенности в экономике и обществе, а инвестиции, как известно, непосредственно связаны с этим явлением.

В самом общем плане эта связь определяется тем известным обстоятельством, что между моментом вложения средств в какие-либо активы и периодом получения отдачи от этих вложений неизбежен временной разрыв. Данный разрыв может исчисляться не только месяцами, но и годами, и десятилетиями, и чем он значительнее по срокам, тем более широкий круг непредвиденных обстоятельств и факторов может отклонить фактический результат от намеченного. Не случайно М. Калецкий свой фундаментальный принцип возрастания риска связывал именно с инвестиционной деятельностью экономических субъектов, подчеркивая, например, неизбежность столкновения фирмы, рассматривающей «возможность экспансии», с тем фактом, «что при данной величине пред-

принимательского капитала риск возрастает с величиной инвестиций. Чем больше инвестиции относительно предпринимательского капитала, тем больше будет сокращение предпринимательского дохода в случае неудачи делового предприятия» [14, р. 106]. Хотя макроэкономическим системам не присуще, как принято говорить, свойство аддитивности, но, представляется, не будет большой ошибкой предположить, что принцип Калецкого при определенных допущениях может быть «распространен» и на макроуровень исследований, т.е., что рост доли инвестиций в национальном доходе страны может привести к повышению в ней уровня некоего общего макроэкономического риска в виде растущей вероятности значительного сокращения национального дохода, если преобладающая часть инвестиционных ресурсов окажется вложенной в неэффективные для общества направления и объекты. Неоклассическая школа, между тем, фактически вообще не занимается макроэкономическими рисками. Тем более эта школа игнорирует явление фундаментальной, истинной, неопределенности, которое в свое время выделили Дж.М. Кейнс и Ф. Найт, подчеркивая факт невозможности познания человеком (и человечеством) своего будущего из-за отсутствия информации об этом будущем. Данный факт фундаментальной неопределенности в последние десятилетия признается все более широким кругом исследователей, которые, например, отмечают, что «Любой человек, любые сообщества, включая страны, встречаются в своем движении в будущее с общей для всех проблемой — принципиальной непредсказуемостью будущего» [10]. Кроме того, немалая часть исследователей выделяет факт не только наличия, но и повышения уровня этой неопределенности. Так, например, по мнению П.С. Лемещенко, «...та неопределенность, которая царит в современном мире», уже привела к превращению «случайных величин» в факторы, преобредшие «доминирующее значение над жестко обозначенными линейными детерминантами развития» [5, с. 73–74]. Очевидно, что никакой рост уровня неопределенности не освобождает общество от необходимости осуществления инвестиционных процессов, соответственно, так же очевидным должно представляться и то, что проблемами инвестиций наряду с неоклассиками должны заниматься школы, которые воспринимают неопределенность не как малосущественный факт, а как реальность, с которой надо считаться постоянно, по очень широкому кругу направления и самым серьезным образом.

Хотя в настоящее время с проблемами инвестиций можно, очевидно, так или иначе и в той или иной степени связать результаты исследований самых разных неортодоксальных школ, представляется, что в большей мере, чем другие, обогащает сейчас изучение инвестиционных проблем институционализм.

Разумеется современная институциональная школа, как и другие, включаемые в круг неортодоксальных, имеет свой, специализированный круг научных интересов и решаемых задач, и среди них нет такого специального объекта исследований, как инвестиции или инвестиционные риски. Но так как эта школа предметно изучает нормы и правила взаимодействий экономических субъектов, то, естественно, она не может не изучать проблемы взаимодействий, которые могут возникнуть по поводу и в связи с инвестиционными процессами. На наш взгляд, некоторые результаты, полученные институционалистами в этом направлении, обогащают и углубляют традиционные неоклассические, и, следовательно, заслуживают систематизации и оценки. Краткие характеристики этих результатов представляется целесообразным рассматривать применительно к деятельности субъектов разных уровней хозяйствования.

Так, применительно к субъектам микроэкономики (отдельным предпринимателям и фирмам) результаты институционалистов в плане исследований институциональной тематики, чаще всего, связывают с вкладом институциональной школы в теорию издержек. В структуре издержек данная школа, как известно, предложила выделять особые, трансакционные, издержки, возникающие при обмене благами и услугами и связанные с понятиями прав и правомочий, поиском информации, ведением переговоров и т.п. Среди этих издержек особо выделяются, наряду с прочими, издержки оппортунистического поведения, которые, в свою очередь, связаны с понятиями предконтрактного и постконтрактного оппортунизма. Если предконтрактный оппортунизм характерен в основном для поведения продавцов, то постконтрактный формируется в результате таких сделок, когда одна из сторон в целях достижения успеха вынуждена осуществлять так называемые *трансакционные специфические инвестиции*. Данное понятие выделено именно институциональной школой, причем одним из ее ведущих современных представителей — О. Уильямсоном, который разработал основные критерии (или варианты) этой специфичности инвестиций, являющиеся общепризнанными среди экономистов во всем мире. Согласно Уильямсону, следует различать четыре типа специфических инвестиций, включая «специфичность местоположения», «специфичность физических активов», «специфичность человеческих активов» и «целевые активы». Первый тип означает ситуацию, когда один из участников сделки вкладывает, например, значительные средства в строительство предприятия в непосредственной близости от партнера (например, от основного поставщика сырья или энергии) с целью снижения расходов на товарно-материальные запасы, транспорт и т.п. Например, фирма строит сталелитейный завод рядом с электростанцией с целью снижения затрат на покупку электроэнергии. Как отмечают А.А. Алчиан и С. Вудвард, «После того как сталелитейный завод понес невозвратные издержки, электростанция может поднять цены на электроэнергию» [13, с. 168–169]. При этом, «Владелец уникального ресурса будет испытывать тем большее искушение воспользоваться ситуацией в собственных интересах, чем больше возрастает суммарная квазирента и чем надежнее он контролирует поток услуг, предоставляемых этим уникальным ресурсом (например, отказываясь выплачивать ренту или работать в полную силу» [Там же, с. 172–173]. Такое поведение трактуется с помощью понятия «издержки вымогательства» и относится к проявлениям открытого оппортунизма. Открытый оппортунизм возникает тогда, когда квазирента одной из сторон контракта (т.е. участника с большими объемами специфических инвестиций) полностью или в значительной мере захватывается другой стороной (или сторонами) бизнес-проекта [Там же]. Выделение трансакционных специфических инвестиций и связанных с ними проблем углубляет, на наш взгляд, представления о возможных инвестиционных рисках, особенно в той их части, которая обусловлена взаимодействиями людей.

На региональном уровне связь институционального направления с инвестиционными проблемами и риском целесообразнее всего представляется рассматривать в связи с исследованиями институционалистами такой специфической разновидности доходов (выгод) современных чиновников как административная рента, извлекаемая чиновниками разных рангов в процессе исполнения (или неисполнения) ими их официальных функций. Конечно, чиновники получают административную ренту не только в региональных формированиях, но на региональном уровне механизм извлечения этой ренты и формы, которые она принимает в процессе этого извлечения, изучены наиболее предметно. Обычно при рассмотрении дан-

ной ренты экономисты разных стран чаще всего ссылаются на результаты исследований Эрнандо де Сото (см., напр., [12]) (применительно к странам Латинской Америки) и Тэк-Вин Нго применительно к Китаю [15]. Но в последние годы значительный вклад в изучение административной ренты в региональном разрезе стали вносить, на наш взгляд, и отечественные представители институционального направления, прежде всего, А. Олейник [7; 8], М.В. Курбатова и С.Н. Левин [4]. Большую роль в обеспечении безнаказанного получения чиновниками современной России этой ренты играет, как считают данные авторы, сложность (невозможность) четкого разграничения той части поборов с местного бизнеса, которая идет на объективные нужды регионов (неудовлетворяемые из-за систематических недоделок федеральных органов в региональные бюджеты), и части, привлекаемой местными чиновниками для собственных нужд. С позиций тематики данной статьи особо важен вывод, который делают данные авторы и некоторые другие отечественные экономисты из сложившейся практики относительно искажений в структуре отечественных инвестиций. Этот вывод наиболее четко сформулирован, на наш взгляд, М.Ю. Малкиной при характеристике так называемых «институциональных ловушек» (фактически — рисков) российской экономики, затрудняющих ее переход к инновационной модели развития. В круг данных ловушек автор включает, в числе прочих, *ловушки рентоориентированного поведения*, отмечая, что в современной России «присвоение... ренты становится более эффективной краткосрочной моделью поведения, чем разработка способов увеличения добавленной стоимости» и что «Борьба за доступ к сфере извлечения ренты делает первоочередными инвестиции в административный ресурс, или... в создание системы экономической власти», которые противостоят инвестициям в получение прибыли от инноваций» [6, с. 56]. Хотя непосредственно автором имелась в виду, прежде всего, природная рента, но, во-первых, в современной России получатели природной и административной ренты в значительной части совпадают, а, во-вторых, как справедливо, на наш взгляд, полагает А. Олейник, сложившаяся сейчас в России практика управления «позволяет власти извлекать административную ренту даже тогда, когда возможности для извлечения природной ренты отсутствуют». Ущерб инвестиционному процессу на региональном уровне управления и хозяйствования в связи со сложившейся практикой состоит, таким образом, прежде всего, в том, что предприниматели значительную часть своих финансовых возможностей недоиспользуют из-за поборов со стороны местных органов власти, а чиновники как получатели «дополнительных денежных средств» от местного бизнеса далеко не всегда и не в полной мере направляют эти средства на внутрирегиональные нужды, присваивая их в той или иной мере в своих корыстных интересах. Весь этот процесс представляет собой одно из характерных проявлений коррупции, уровень которой в России по разным оценкам, не только очень высок, но и еще повышается по мере развития реформ. Так, Г. Сатаров приводит, например, данные фонда «Индем», согласно которым объем деловой коррупции в России увеличился с 33,8 млрд дол. в 2001 г. до 318 млрд дол. в 2004–2005 гг. [9]. В. Клейнер, в этой связи, ссылается на результаты расчетов Индекса восприятия коррупции, который с 1995 г. разрабатывает международная организация Transparency International [3, с. 34]. Согласно расчетам этого индекса за 2010 г., Россия сейчас из 178 обследованных стран находится по состоянию коррупции на 154-м месте, в то время как еще в 2005 г. она занимала хотя и тоже неблагоприятное, но все же 128-е место из 159 обследованных стран. Клейнер также отмечает, что, по некоторым оценкам, за последние пять лет доля «откатов» в

России удвоилась, достигая в некоторых случаях 70% от сумм контрактов [Там же]. Естественно, если на «откаты» может уходить до 70% сумм деловых контрактов, то инвестиционный процесс в России при любых объемах выделяемых для вложений средств, даже если бы они вдруг оказались необычайно велики, обречен на «умеренные» или низкие темпы.

Таким образом, заслугой институционалистов можно, на наш взгляд, считать также то, что они, предметно изучая явление административной ренты, доказывают фактически, что эта рента выступает как один из реальных тормозов наращивания объемов инвестиций на уровне различных региональных формирований страны.

Что касается инвестиционных рисков макроэкономического уровня, то современная институциональная школа, на наш взгляд, дополняет их характеристику по целому ряду направлений.

Во-первых, можно отметить уже выделенное ранее направление исследований административной ренты, поскольку эта рента взимается не только на региональном, но и фактически на всех уровнях государственной власти и управления. Соответственно, «благодаря» сложившейся порочной практике, в России реально можно вести уже речь о существовании не только региональных, но и серьезного общего макроэкономического инвестиционного риска недоделанных в общественно-значимые направления, проекты и объекты из-за того, что все более растущая часть возможных инвестиционных ресурсов вкладывается фактически в рост благосостояния чиновников, перераспределяющих таким образом на непроизводительные цели все большую часть национального дохода страны. О том, какими высокими темпами идет это перераспределение, и, соответственно, реализуется данный риск, можно, на наш взгляд, хотя и косвенно, судить, сопоставляя темпы прироста уровней благосостояния корпуса российских чиновников и темпы роста объемов инвестиций, фиксируемые официальными статистическими органами страны. Как видно, например, из данных о доходах 100 самых богатых семей российских чиновников и депутатов (согласно декларациям за 2011 г.) [11], ежегодные доходы большинства из них (исчисляемые в преобладающей части сотнями миллионов рублей, а у некоторых — даже миллиардами) за 2011 г. по сравнению с 2010 г. возросли в среднем у членов Правительства РФ на 88,7%, у глав регионов — на 138,9%, у администрации Президента РФ — на 88,96%. Среди депутатов Госдумы немало оказалось и таких, у которых «плюс» к сумме доходов за год составил 200-300-400%, а у отдельных — даже тысячи процентов. Между тем объем инвестиций в основной капитал в 2011 г. в РФ, возрос, по некоторым данным, лишь на 6,2% [16].

Применительно к вопросу о вкладе институционалистов в исследование инвестиций (и связанных с ними проблем) на макроуровне представляется целесообразным выделить также теорию «внешних эффектов» (экстерналиев), которую активно разрабатывает институциональная школа.

Под «внешними эффектами», как известно, обычно понимаются побочные результаты производственной деятельности тех или иных структур, оказывающие влияние на так называемых «третьих лиц», т.е. на тех, кто не принимал участия в данной деятельности. При этом возможны как негативные, так и позитивные внешние эффекты для третьих лиц, которые объединяет лишь одно, а именно то, что данные эффекты не отражаются через механизм цен. Имеется в виду, что те, кто, например, загрязняет своим производством внешнюю среду, не компенсируют обществу все эти загрязнения из своих доходов, так же, как те, кто получает дополнительную выгоду от каких-либо чужих вложений, не компенсируют эти затраты создателям данных выгод (например, жи-

тели деревень, пользующиеся новым шоссе, построенным заводом для производственных связей с ближайшим городом, естественно, не платят заводу за позитивный внешний эффект в виде благоустроенной дороги).

Когда позитивные результаты для третьих лиц являются побочными для производителей каких-либо благ и услуг, и их основные результаты оплачиваются обществом достаточно высоко, такие внешние эффекты могут не создавать особых рисков и проблем. Но если основные результаты оплачиваются по самым низким расценкам, и одновременно значительная их часть безвозмездно используется третьими лицами как даровой внешний эффект, то возникает, естественный риск замедления вложений в соответствующих сферах деятельности. В современной России в качестве таких даровых внешних эффектов (и для российских, и для зарубежных «потребителей») выступает фактически (в числе прочих) значительная часть результатов научных исследований предприятий, научно-исследовательских институтов, лабораторий и других структур в рамках отраслей «промышленность», «наука и научное обслуживание». Создало для них такую ситуацию современное российское государство, которое, в отличие от государств большинства других современных стран, роковым образом не понимает особой роли науки в современном мире и в обеспечении конкурентоспособности России и за двадцать лет реформ не создало хотя бы сколько-нибудь надежных механизмов получения разработчиками новых идей и технологий соответствующей их вкладу доли в национальном доходе страны. Комментируя эту ситуацию в России, М.Ю. Малкина отмечает, что «...в условиях слабой защиты прав интеллектуальной собственности обостряется проблема некомпенсируемой положительной экстерналии и сопутствующая ей проблема безбилетника. Иными словами, бизнес не может защитить и собрать интеллектуальную и технологическую ренту, что подвергает его инновационный проект дополнительным рискам и неопределенности» [6, с. 57]. Конечно, можно утешаться тем, что хотя из-за недомыслия властей проигрывают генераторы новых идей и технологий, но зато пользователи — «безбилетники» могут осуществлять НТП и внедрять его результаты с меньшими издержками, так что для общества в целом «минусы», возможно, перекрываются «плюсами». Однако, на наш взгляд, такие надежды вряд ли оправданы. Во-первых, интеллектуальный капитал разработчиков и генераторов новых идей и технологий представляет собой, как правило, «более ценную субстанцию», чем интеллектуальные возможности тех, кто способен лишь копировать и использовать чужое. В результате, не обеспечивая «генераторам» достойных доходов, общество сознательно или бессознательно буквально само «рубит сук, на котором сидит», т.е. сокращает для себя возможность выживания и развития в будущем. Во-вторых, как известно, очень значительная часть современных российских научно-технических результатов в виде даровых внешних эффектов потребляется, к сожалению, даже не в самой России, а за ее рубежами, причем именно теми странами, с которыми России труднее всего конкурировать в современном мире.

Таким образом, выделение внешних эффектов, связанных с развитием научных исследований в России, может быть использовано, как представляется, для углубления характеристик некоторых не только текущих, но и стратегических инвестиционных рисков современного российского общества.

Самый главный свой вклад в исследования инвестиционных рисков на макроуровне современный институционализм вносит, на наш взгляд, в связи с выделением такой разновидности транзакционных издержек, как издержки по спецификации и защите прав собственности. Выделение

этих издержек заставляет признать, что издержки по обеспечению четких характеристик прав и правомочий, а также по обеспечению надежной защиты прав собственности, могут играть особо важную роль в экономике, фактически — определять степень ее эффективности. Ведь от четкости спецификации и надежности защиты этих прав непосредственно зависит степень стабильности ожиданий инвесторов, а от этого, в свою очередь, их пессимистический или оптимистический настрой, что, как подчеркивал в свое время еще Дж.М. Кейнс, нередко непосредственно может влиять на объемы и направления инвестиций [2, с. 262]. Представляется, что этот вклад институционалистов в инвестиционную проблематику явно недооценивается современным российским государством: не обеспечивая ни своим, ни иностранным инвесторам достаточно надежных гарантий защиты их собственности, государство не может ни удержать в стране отечественный капитал, ни привлечь в достаточных объемах иностранные инвестиции. Более того, пользуясь новыми возможностями, предоставляемыми механизмом глобализации, руководители многих ведущих российских компаний предпочли вообще *de iure* превратить свои предприятия в собственность других государств (различных оффшоров), так что Россия теряет на этом еще и огромную часть причитающихся ей налогов. По некоторым данным, в оффшорных зонах сейчас зарегистрировано от 90 до 95% крупных российских предприятий [1].

Разумеется, можно выделить ряд и других направлений, по которым ме-тодологию и инструментарий современной институциональной школы целесообразно привлекать в современных исследованиях инвестиций и инвестиционных рисков, прежде всего, очевидно, в рамках тематики «национальные институты — инвестиционная политика — экономический рост — глобальная конкурентоспособность национальных экономических систем». Использование институционального направления в анализе таких вопросов повысило бы «уровень системности» в исследованиях инвестиций и связанных с ними рисков.

Список использованной литературы

1. Известия. — 2011. — 7 апр.
2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс // Антология экономической классики. — М.: Эконов, 1993. — Т. 2.
3. Клейнер В. Антикоррупционная стратегия бизнеса в России / В. Клейнер // Вопросы экономики. — 2011. — № 4. — С. 32–46.
4. Курбатова М.В. Деформация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) / М.В. Курбатова, С.Н. Левин // Terra Economicus. — 2010. — Т. 8. — № 1. — С. 27–50.
5. Лемещенко П.С. Экономический кризис как институциональная форма и ступень отрицания капитала / П.С. Лемещенко // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — 2010. — Т. 2. — № 4. — С. 59–75.
6. Малкина М.Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики / М.Ю. Малкина // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — 2011. — Т. 3. — № 1. — С. 50–60.
7. Олейник А. О природе и причинах административной ренты: особенности ведения бизнеса в российском регионе / А. Олейник // Вопросы экономики. — 2010. — № 5. — С. 58–80.
8. Олейник А. Политэкономия власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России / А. Олейник // Вопросы экономики. — 2011. — № 5. — С. 19–33.
9. Сатаров Г. Как измерять и контролировать коррупцию / Г. Сатаров // Вопросы экономики. — 2007. — № 1. — С. 4–10.
10. Сатаров Г. Прологомены к последней модернизации в России / Г. Сатаров // Вопросы экономики. — 2011. — № 5. — С. 4–18.

11. Семья — ячейка общества // Аргументы и факты. — 2012. — 23 мая.
12. Сото Э. де. Иной Путь: Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото. — М.: Catallaxy, 1995 (1989). — Гл. 5.
13. Фуруботн Э.Г. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер; пер. с англ. под ред. В.С. Кат'кало, Н.П. Дроздовой. — СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005. — 702 с.
14. Kalecki M. Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy / M. Kalecki. — Cambridge, 1971.
15. Ngo T.-W. Rent-seeking and Economic Governance in the Structural Nexus of Corruption in China / T.-W. Ngo // Grime, Law and Social Change. — 2008. — Vol. 49. — № 1.
16. URL: www.DanKmib.ru.

References

1. Izvestiya. — 2011. — 7 Apr.
2. Keins Dzh.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg / Dzh.M. Keins // Antologiya ekonomicheskoi klassiki. — М.: Ekonov, 1993. — Т. 2.
3. Kleiner V. Antikorrupsionnaya strategiya biznesa v Rossii / V. Kleiner // Voprosy ekonomiki. — 2011. — № 4. — С. 32–46.
4. Kurbatova M.V. Deformatsiya pravil v sovremennoi rossiiskoi ekonomike (na primere vzaimodeistviya vlasti i biznesa) / M.V. Kurbatova, S.N. Levin // Terra Economicus. — 2010. — Т. 8. — № 1. — С. 27–50.
5. Lemeshchenko P.S. Ekonomicheskii krizis kak institutsional'naya forma i stupen' otritsaniya kapitala / P.S. Lemeshchenko // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy). — 2010. — Т. 2. — № 4. — С. 59–75.
6. Malkina M.Yu. Institutsional'nye lovushki innovatsionnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki / M. Yu. Malkina // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy). — 2011. — Т. 3. — № 1. — С. 50–60.
7. Oleinik A. O prirode i prichinakh administrativnoi renty: osobennosti vedeniya biznesa v rossiiskom regione / A. Oleinik // Voprosy ekonomiki. — 2010. — № 5. — С. 58–80.
8. Oleinik A. Politekonomiya vlasti: podkhody k analizu otnosheniy mezhdu gosudarstvom i biznesom v Rossii / A. Oleinik // Voprosy ekonomiki. — 2011. — № 5. — С. 19–33.
9. Satarov G. Kak izmeryat' i kontrolirovat' korruptsiyu / G. Satarov // Voprosy ekonomiki. — 2007. — № 1. — С. 4–10.
10. Satarov G. Prolegomeny k poslednei modernizatsii v Rossii / G. Satarov // Voprosy ekonomiki. — 2011. — № 5. — С. 4–18.
11. Sem'ya — yacheika obshchestva // Argumenty i fakty. — 2012. — 23 May.
12. Soto E. de. Inoi Put': Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire / E. de Soto. — М.: Catallaxy, 1995 (1989). — Гл. 5.
13. Furubotn E.G. Instituty i ekonomicheskaya teoriya: Dostizheniya novoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii / E.G. Furubotn, R. Rikhter; per. s angl. pod red. V.S. Kat'kalo, N.P. Drozdovoi. — SPb.: Izd. dom SPbGU, 2005. — 702 s.
14. Kalecki M. Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy / M. Kalecki. — Cambridge, 1971.
15. Ngo T.-W. Rent-seeking and Economic Governance in the Structural Nexus of Corruption in China / T.-W. Ngo // Grime, Law and Social Change. — 2008. — Vol. 49. — № 1.
16. URL: www.DanKmib.ru.

Информация об авторе

Макарова Галина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и институциональной экономики, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Author

Makarova Galina Nikolaevna — Doctor of Economics, Professor, Chair of Economic Theory and Institutional Economy, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003.